

Ли Цюань, забыв о всякой почтительности, замер, словно праведник перед искушением. В его ладонях покоились опаленные кончики волос генерала, и на лице парня читалась такая неподдельная скорбь, будто он оплакивал величайшую потерю.

— Генерал, ну как же вы так... — простонал он. — Неосторожно-то как!

А ведь Фань Ло всего лишь слишком низко наклонился над свечой: несколько иссиня-черных прядей скользнули по плечу, коснулись пламени и мгновенно превратились в безжизненную паклю.

Ли Цюань с сокрушенным вздохом перебирал длинные волосы господина. Они были густыми, тяжелыми, с тем глубоким фиолетовым отливом, что встречается лишь у самого чистого воронова крыла. Даже после долгих дней под палящим солнцем они оставались шелковистыми и прохладными, словно вода, только что поднятая из глубокого колодца в разгар июльского зноя.

Ли Цюань вспомнил, как в бытность простым солдатом помогал грузить сундуки с шелками, присланными из столицы к юбилею матери старого главнокомандующего. Тогда он боялся даже коснуться драгоценной ткани своими грубыми мозолистыми руками, чтобы ненароком не зацепить нежную нить. И вот теперь генерал — его генерал! — так безжалостно обошелся с сокровищем, которому позавидовала бы любая столичная красавица.

Фань Ло, заметив, как Ли Цюань в расстройстве хмурит брови, лишь сам недовольно насупился. Бесцеремонно отпихнув застывшего у его колен парня, он потянулся к мечу. С лязгом выхватив клинок из ножен, генерал перехватил тяжелую гриву у затылка, явно намереваясь покончить с ней одним ударом.

— Ох! Генерал, вы что творите?! — Ли Цюань в ужасе вцепился в его руку, не давая мечу шевельнуться. — Вы же не собираетесь их... совсем отрезать?

Фань Ло замер. Какое-то время он молча смотрел на свои пальцы, сжимающие рукоять, и на Ли Цюаня, который вцепился в него мертвой хваткой. Парень смотрел прямо в глаза, и в его взгляде горело такое упрямство, что военачальник невольно сдался.

— Мешают, — коротко бросил Фань Ло.

Ли Цюань моргнул. Ему всё стало ясно: генералу просто надоело возиться с волосами, и он решил избавиться от них самым радикальным способом.

— Не позволю! Костьми лягу, а не дам! — В нем внезапно проснулся дремавший доселе дух противоречия.

Ли Цюань почти силой отобрал у господина меч и коротким, точным движением отсек лишь

погубленные огнем кончики. Усадив генерала за стол, он оторвал полоску ткани от подола своей чистой сменной формы — крепкого темно-синего сукна. Ловко расчесав спутанные пряди, Ли Цюань собрал их в низкий, свободный хвост у самой поясницы. В таком виде Фань Ло стал походить на вольного удальца, не знающего над собой законов, — точь-в-точь как герои из преданий уличных сказителей.

— Вот, посмотрите, генерал. Теперь всё в порядке, — просиял Ли Цюань, любуясь своей работой. На его щеках прорезались глубокие ямочки, а в глазах заплясали искры.

В шатре воцарилась тишина, нарушаемая лишь свистом холодного ветра снаружи. Ли Цюань внезапно осознал, что зашел слишком далеко. Дрожь пробрала его до костей: он только что указывал самому Маркизу Чжэньюаню!

Поймав на себе тяжелый, обжигающий взгляд Фань Ло, парень попятился, натянуто улыбаясь:

— Хе-хе... Генерал, я... я пойду Уцзяо почищу...

Но убежать не удалось. Фань Ло железной хваткой обхватил его за пояс, рывком вернул на место, и в шатре началась ставшая уже привычной процедура «разгона крови». Ли Цюань лишь жалобно всхлипывал, покрасневшись от макушки до пят, и тихо поскуливал, словно провинившийся щенок.

Вскоре он окончательно уяснил, что за внешней суровостью «Бога войны» скрывается капризный нрав ребенка, которому всё быстро приедается.

Утром волосы запутались в Черном доспехе — Фань Ло уже тянулся к мечу.

После купания пряди слишком долго сохли — снова меч.

За обедом Ли Цюань забыл перевязать их лентой, и шелковистая прядь угодила в суп — и опять генерал тянулся к эфесу...

Без личного слуги Фань Ло становился совершенно несносным. И каждый раз, когда Ли Цюань бросался спасать «красавицу-шевелюру» из-под клинка, генерал в качестве платы «съедал» своего спасителя.

Ли Цюань пребывал в смятении. Неужели этот капризный, своенравный человек, ведущий себя как избалованный барчук, и есть тот самый знаменитый полководец, о котором слагают легенды?

Но сердце у парня было мягкое. Глядя на занесенный над волосами меч, он чувствовал себя так, будто перед ним рыдает невинная дева, моля о пощаде. Ли Цюань стискивал зубы: «В конце концов, я мужчина! Подумаешь, еще раз на флейте сыграю, не забудет с меня!»

С этими мыслями он окончательно смирился со своей участью и взвалил на себя все заботы о быте господина, превратившись в его тень.

Десятник Чжао, проходя мимо, лишь скалился в издевательской ухмылке:

— Ну что, малец, старайся лучше. Смотри только, лишнего не накусай!

Помощник генерала Ян тоже был доволен:

— Наконец-то мне не нужно спозаранку бежать помогать генералу облачаться. Тяжело тебе, парень, но ты уж послужи на совесть!

Даже вечно угрюмый Помощник генерала Вэй, окинув его странным взглядом, лишь фыркнул и важно удалился. А военный советник Фан, не выходя из своего прохладного шатра, обмахивался веером и дивился:

— Друг мой, уж не владеешь ли ты каким секретным искусством усмирения?

Ли Цюань лишь вздыхал. Его простая мечта — заработать сестре на приданое — казалась теперь бесконечно далекой. С тех пор как в его руки попал меч Уцзяо, он словно взвалил на плечи непосильную ношу, бросить которую не смел.

— Эй, Цюань-цзы! Ты чего тут застыл? Живо к генералу! — окликнул его Десятник Чжао, видя, как парень замер с тазом воды в руках.

— А? Да я же только что оттуда... — пробормотал Ли Цюань, понурился.

— Иди-иди! Если генерал сам выйдет тебя искать, нам всем не поздоровится! — замахал руками десятник под общий хохот солдат.

Ли Цюань, густо покраснев, подхватил вещи и поплелся обратно к главному шатру. Но на этот раз его опередили. Помощник генерала Ян, не успев спрыгнуть с коня, бросил поводья и вихрем влетел внутрь. Его обычно добродушное лицо было непривычно мрачным.

— Генерал! — тяжело выдохнул он, едва достигнув стола. — Обоз военного советника Фана, следовавший в тылу, попал в засаду! Три четверти часа назад!

Фань Ло замер с кистью в руке. Он вскинул голову:

— Потери?

— Около сотни человек ранены или убиты. К счастью, господин советник отделался легким испугом и парой царапин. Сейчас им занимается военный врач Цюй.

Фань Ло помолчал, обдумывая новости, затем взял со стола жетон и бросил его Ли Цюаню:

— Ступай к военному врачу Цюю. Разузнай всё.

Ли Цюань понял без слов: во-первых, нужно проверить, как там военный советник Фан, а во-вторых, генералам нужно обсудить дела без лишних ушей.

— Слушаюсь!

Идя к медицинским палаткам, он заметил, как в шатер вошел и Помощник генерала Вэй в своих красных доспехах. Ли Цюань прибавил шагу.

Лазарет располагался в самом центре лагеря под охраной. Стоило Ли Цюаню предъявить жетон, как его пропустили внутрь. Но еще на подходе он услышал вопли, от которых кровь стыла в жилах. Казалось, в огромном шатре режут кабана.

— Матушка! Проклятый бородач! Полегче! Я сын военного министра! Если ты мне руку испортишь, головой ответишь!

Голос, полный праведного гнева и боли, принадлежал советнику Фан Уби. Ли Цюань не раз видел его в свите генерала и каждый раз невольно усмехался: храбрости молодому господину было не занимать, а вот выдержки явно не хватало.

Обычно Фан Уби гарцевал на своем рыжем коне впереди всех, весело переключаясь с Фань Ло. Но стоило солнцу припечь, как он сдувался. Генералу приходилось пересаживать его в паланкин, где слуги обмахивали его веерами и подносили воду, словно какому-нибудь актеру из чайного домика. В конце концов Фань Ло это надоело, и он отправил советника в тыл — присматривать за обозом.

«Смел-то он смел, да только не по чину берется», — подумал Ли Цюань, ныряя в палатку.

В этот миг вопль перешел в ультразвук, перекрываемый громовым басом:

— Не ори, щенок! Подумаешь, плечо выскочило! Сиди смирно, а то и вправду оторву!

Раздался сочный хруст. Ли Цюаню на миг показалось, что огромный, заросший густой бородой

верзила и впрямь выломал советнику руку.

— Твою ж направо! Орешь как девка! — рыкнул бородач, присасываясь к огромной чаше с вином.

От великана пахло таким густым перегаром, что у Ли Цюаня закружилась голова. Это был военный врач Цюй Ди. Несмотря на устрашающий вид и манеры лесного разбойника, лекарем он был от бога. Ли Цюань сам видел, как безнадежных раненых, которых приносили на носилках уже бездыханными, он ставил на ноги за считанные дни.

«Мастера своего дела нужно уважать», — вспомнил Ли Цюань наказ стариков. Поэтому к военному врачу Цюю он относился с тем же почтением, что и к генералам.

— Слава небу, обошлось, — выдохнул он, понимая, что Цюй Ди просто вправлял сустав. — Господин советник, генерал прислал меня узнать о вашем здравии. Господин Цюй, вы как всегда — чудотворец!

Фан Уби, бледный как полотно, едва перевел дух.

— Сам ты «девка»! — огрызнулся он врачу, а затем повернулся к Ли Цюаню, немного смягчившись: — Брат Ли, Фань Ло тебя прислал?

Слышать обращение «брат» от сына самого военного министра было непривычно, и Ли Цюань замахал руками:

— Что вы, господин советник, не стоит. Называйте меня просто по имени. Главное, что вы целы!

— Цел, куда я денусь! — Фан Уби попытался приосаниться, несмотря на помятый вид. — Пока я не помогу брату Фаню завершить его великое дело, смерть меня не возьмет!

— Ха! Помощничек нашелся, — фыркнул Цюй Ди, не скрывая презрения.

Советник, который обычно доводил до белого каления даже невозмутимого Помощника генерала Вэй, тут же вскинулся:

— Бородач! Ты до сих пор злишься из-за той кувшинки вина?

— Это было вино трехлетней выдержки! — взревел Цюй Ди, хлопая ладонью по столу с такой силой, что тот жалобно скрипнул. Он навис над советником, едва не отрывая его от земли за шиворот. — Ты его не выпил, ты в нем свои поганые ноги мыл!

Ли Цюань поспешил встать между ними, примирительно выставив руки:

— Военный врач Цюй, ну полно вам! У советника рука еще не зажила!

— Хм! Одно слово — лекарь должен быть милосердным! — буркнул Цюй Ди, отпуская воротник.

— Знал бы, каких «сыночков» мне подсунет судьба, в жизни бы в армию не пошел.

Фан Уби, едва восстановив равновесие, в ярости ткнул пальцем в сторону врача:

— Ты... да ты хоть понимаешь?! Ты... ай!

Договорить он не успел. Снаружи в палатку влетел веер и с четким звуком «кляц» припечатал советника прямо по лбу.

<http://bllate.org/book/17414/1653343>